

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-21-32

УДК 327; 338; 339

Кирилл Барский, Александр Салицкий, Нелли Семенова

Китайская баталия Трампа: возможна ли победа?

Аннотация. Торгово-экономическая война США против Китая приобрела в 2018–2019 гг. значительный размах. Конфликт вряд ли будет урегулирован в ближайшем будущем, хотя обеим сторонам это было бы выгодно с экономической точки зрения. Пекин старательно избегает перерастания формирующейся биполярности «США — Китай» в конфронтацию, делая ставку на сотрудничество с крупным американским бизнесом и по возможности используя многочисленные внешнеполитические промахи администрации Д. Трампа. Тем не менее весной-летом 2019 г. США продолжили наращивать давление на Китай. Ситуация принципиального противостояния двух держав затрагивает не только интересы бизнеса обеих стран, но и широкий круг вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений.

Ключевые слова: торговая война, США, Китай, мировая экономика, американо-китайские отношения, противостояние США и Китая.

В 2017 г. администрация Д. Трампа начала подготовку торгово-экономической войны против Китая, которая в 2018–2019 гг. приобрела немалый размах. По мнению большинства аналитиков, конфликт вряд ли будет урегулирован в ближайшем будущем, хотя обеим сторонам это было бы выгодно с экономической точки зрения.

Последнее обстоятельство послужило основанием для оптимистических прогнозов относительно исхода начавшихся в декабре 2018 г. переговоров. Однако они зашли в тупик, и весной-летом 2019 г. США продолжили наращивать давление на Китай. Возникла ситуация принципиального противостояния двух держав, она затрагивает не только интересы бизнеса обеих стран, но и широкий круг вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений.

Сведения об авторе: БАРСКИЙ Кирилл Михайлович — чрезвычайный и полномочный посол по особым поручениям МИД РФ, в 2014–2018 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Таиланде и постоянный представитель РФ при ЭСКАТО, чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса; кандидат исторических наук.

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук, sal.55@mail.ru;

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна — старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, кандидат политических наук, semenovanelli-2011@mail.ru.

Предыстория и обоснование торговой войны

Торговый конфликт с КНР не вполне правильно связывать только с деятельностью нынешней администрации США. Раздражение по поводу независимого курса Пекина и его экономической экспансии накапливалось постепенно, и «поворот» к Азии предыдущего американского президента после кризиса 2008–2009 гг. фактически означал переход от политики вовлечения к политике сдерживания Китая, в том числе в экономической области. Не новость и призывы к американскому бизнесу работать в США: в начале второй избирательной кампании Б. Обама продвигал свой план инсорсинга (решоринга), то есть возвращения промышленного производства из-за рубежа (особенно из Китая). При этом уже тогда Китай часто публично критиковался за недобросовестные торговые практики, а недовольство по их поводу было высказано, например, на встрече Б. Обамы с тогдашним заместителем председателя КНР Си Цзиньпином в феврале 2012 г. [Cooper].

В течение второго срока президентства Обамы претензии к китайской торгово-экономической политике инвентаризировались в ежегодных докладах торгового представителя о соответствии Китая правилам ВТО (они представляются Конгрессу) и обсуждались в двусторонних форматах: совместной комиссии (U.S. — China Joint Commission on Commerce and Trade, JCCT) и диалоге (U.S. — China Strategic and Economic Dialogue, S&ED). Забегая вперед, заметим, что в 2017 г. эти форматы были сначала объединены, а затем заморожены.

Переход к политике экономического сдерживания Китая был завершён Д. Трампом в весьма бескомпромиссной форме. Уже в ходе предвыборной кампании предыдущие администрации яростно критиковались за потакание Китаю, а вокруг нового президента свила гнездо стайка «китайских ястребов». К ним относят вице-президента Майкла Пенса, госсекретаря Майкла Помпео, сохраняющего влияние аналитика Стивена Бэннона, проработавшего в администрации до конца 2017 г., а также министра торговли Уилбура Росса, торгового представителя Роберта Лайтхайзера и Питера Наварро, занявшего кресло руководителя специально созданного совета по торговле и промышленности. Последнего можно смело назвать идеологом торговой войны: он автор трех книг и пропагандистского фильма о китайской угрозе («Смерть от Китая»), вышедшего в 2012 г. Не отличаются симпатиями к Китаю Джон Болтон и Ларри Кудлоу.

Усилиями американской администрации и бюрократии в 2017–2019 гг. была создана документально-правовая основа широкого наступления на Китай. Ее стержнем стал закон о торговле 1974 г., предусматривающий, в частности, введение президентом дополнительных импортных пошлин на товары из стран, в которых выявлялись необоснованные ограничения деятельности американского бизнеса. Архаичность этого документа и наличие правил и механизмов ВТО в расчет особенно не принимались. Более того, в первом же докладе Конгрессу о соблюдении Китаем норм ВТО, сделанном при Лайтхайзере (опубликован в январе 2018 г.), содержались следующие пассажи: «Одних правил ВТО недостаточно, чтобы ограничить деформации рынка, вызываемые поведением Китая»; «США предпримут все прочие меры, необходимые для обуздания

осуществляемой Китаем вредоносной, ведомой государством меркантилистской политики и практики, пусть даже эти меры прямо и не вписываются в правила ВТО» [2017 Report... pp. 2, 4].

Коренным образом (по сравнению с аналогом 2015 г.) поменялось место Китая в Стратегии национальной безопасности США, принятой в декабре 2017 г. Наравне с Россией он был зачислен в категорию «ревизионистских государств». Многократно повторены обвинения Пекина в нечестной коммерческой практике [National Security... pp. 2, 17, 19, 41, 47, 48]. Кроме того, он оказался в числе противников, которые «крадут и используют нашу интеллектуальную собственность и личные данные, вмешиваются в политические процессы в нашей стране, сделали мишенью наш авиационный и морской сектор, подвергают риску нашу критически важную инфраструктуру». Китаю инкриминируются поставки фентанила в США, экономическая агрессия, воровство технологий на сотни миллиардов долларов и т.п. [National Security... pp. 7, 12, 17, 19–20].

В марте 2018 г. было завершено расследование торгового представителя, давшее основания для начала тарифной войны, на которой мы еще остановимся. В расследовании отмечалось, в частности, что политика Пекина подпадает под действие статьи 301 закона о торговле 1974 г.: на компании США в КНР оказывается давление в целях получения от них передовых технологий, Китай осуществляет взлом компьютерных сетей и кражи коммерческой информации [Findings... p. 5]. В вину Китаю были поставлены планы научно-технического развития, в особенности программа «Сделано в Китае 2025», принятая в 2015 г. и содержащая установки в области замещения импорта и выхода на мировой рынок в передовых технологиях.

Свод документов, касающихся Китая, продолжал пополняться и в дальнейшем: в частности, поправками к законодательству об иностранных инвестициях [Foreign Investment Risk...], докладом совета, возглавляемого Наварро [How China's...], с квалификацией Китая как «экономического агрессора» и т.п. Своего рода итог содержался в январском докладе ведомства Лайтхайзера 2019 г. Констатируется, например, следующее: «Действия Китая причинили серьезный вред другим членам ВТО и многосторонней торговой системе, которая не была рассчитана на взаимодействие с нерыночной экономикой таких размеров» [2018 Report... p. 5]. Фактически доклад призывает другие страны к солидаризации с американскими претензиями к Китаю. Пока этот призыв особого успеха не имел, и это один из итогов и уроков торговой войны.

Стоит заметить, что квалификация КНР как страны с нерыночной экономикой (на чем зиждется немалая часть построений «китайских ястребов») не выдерживает критики. Как отмечал в обстоятельной работе 2013 г. патриарх либеральной экономической мысли Рональд Коуз, рынок в Китае вполне сложился в первом десятилетии нынешнего века. Более того, «замечательные успехи в области экономики, продемонстрированные Китаем за 30 лет рыночных преобразований, укрепили доверие китайского руководства и широкой публики к рыночной экономике — капиталистической или социалистической, не столь важно» [Коуз, Ван, с. 232].

Таблица 1

Доля предприятий разных форм собственности в экспорте КНР, %

	Государственные	Иностранные и с иностранным участием	Частные
1996	50	47	3
2014	11	46	43
2018	10	42	48

Составлено по данным ГТУ КНР.

Вполне рыночный характер современного экспортного сектора китайского хозяйства хорошо виден из табл. 1. После третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г. либерализация китайской экономики ускорилась и продолжается, несмотря на начало торговой войны. Так, согласно докладу Всемирного банка, в 2018 г. по показателю удобства ведения бизнеса Китай продвинулся на 46-е место в мире с 78-й позиции в предшествующем году.

Торговая война — часть схватки за глобальное лидерство

Нынешний торговый конфликт между США и Китаем — лишь часть схватки за мировое лидерство, свидетелями которой мы сейчас являемся.

Вообще новейшая история американо-китайских отношений — это история беспринципных, эгоистичных попыток США использовать Китай в своих интересах, череда взаимоисключающих политических установок Вашингтона, шараханья из крайности в крайность. После прихода к власти коммунистов Пекин был для Вашингтона идеологическим и военно-политическим противником. После визита Р. Никсона в Китай в 1972 г. американцы развернулись на 180 градусов, договорившись с китайским руководством дружить против СССР. События на площади Тяньаньмэнь 1989 г. привели к разрыву былой дружбы и введению антикитайских санкций.

За последние три десятилетия американцы перепробовали самые разные варианты выстраивания отношений с Китаем — от сдерживания до конструктивного вовлечения. При этом на протяжении всего этого периода американские компании отчаянно боролись за привлекательный китайский рынок, стремительными темпами наращивая взаимную торговлю и инвестируя в экономику КНР миллиарды долларов. Еще каких-то 11 лет назад США предлагали Китаю передел мира на двоих (эта концепция получила название «глобальной двойки», или G2), всерьез рассчитывая переманить Пекин на свою сторону в интересах сохранения за ширмой американо-китайского дуумвирата собственного единоличного лидерства в мировых делах. И вот теперь США решили, что последняя возможность остановить Китай — это объявить ему гибридную войну.

Приметы этой новой американской стратегии можно сегодня наблюдать по всему спектру вопросов многосторонней и двусторонней повестки дня. Объявив Китай стратегическим оппонентом, США начали реализовывать последовательный курс на военное сдерживание КНР. Так, в администрации Трампа не скрывают, что планы размещения

в Азии новых ракет средней дальности, разработка которых после выхода США из ДРСМД ничем не ограничена, направлены против Китая. Американцы проводят линию на внешнеполитическое сдерживание КНР (попытки сколачивания антикитайской коалиции с участием стран региона, разработка так называемых индо-тихоокеанских стратегий, раздувание темы свободы судоходства в Южно-Китайском море, решение о поставках новых партий оружия Тайваню и т.д.). США сознательно провоцируют социальную напряженность в различных районах Китая (последний пример — открытая поддержка протестующих в Гонконге). Сдерживать усиление экономических позиций КНР в зарубежных странах американцы пытаются противодействием реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Стоит задача не позволить Китаю перехватить у США лидерство в вопросах технологий 5G, исследований в области искусственного интеллекта и др. Наконец, Китаю объявлена полномасштабная информационная война.

Сфера торговли также является «полем сражения» с Китаем. Причем на этом «фронте», с учетом значительной зависимости КНР от торгово-экономических связей с США, команда Трампа намеревалась добиться наиболее быстрых результатов благодаря применению таких недобросовестных методов, как односторонние экстерриториальные санкции, нарушение правил ВТО, выход из договоренностей, шантаж, запугивание, давление на суверенные государства и бизнес.

Тарифная эскалация и ее следствия

Первые две порции дополнительных 25-процентных пошлин на китайские товары на общую сумму 50 млрд долл. были введены летом 2018 г. Китай ответил таким же по стоимости и размеру повышением тарифов на импорт из США. В конце сентября США ввели 10-процентные тарифы на импорт из КНР на сумму в 200 млрд долл., пригрозив повышением тарифа до 25% с января 2019 г. Китай ответил асимметрично: пошлины в 5–10% затронули импорт из США стоимостью 60 млрд долл. Таким образом, под действие дополнительных пошлин в 2018 г. попали китайские товары стоимостью свыше 250 млрд долл. и американские — на сумму 110 млрд долл.

Результаты оказались несколько неожиданными. Экспорт Китая в США понемногу замедлялся (а в декабре даже сократился); тем не менее годовой показатель превысил 550 млрд долл., увеличившись на 11,3% по отношению к предыдущему году. Американский же экспорт в КНР стагнировал и остался на отметке 150 млрд долл. В итоге дефицит в торговле США с Китаем вырос примерно на 50 млрд долл.

Во время аргентинского саммита «большой двадцатки» Трамп и Си Цзиньпин договорились о начале переговоров по вопросам торговли и перемирию в тарифной войне до 1 марта 2019 г. Повышение до 25% ставок пошлин на 200 млрд долл. китайских товаров было отложено. Но под воздействием уже введенных тарифов объем взаимной торговли стал сокращаться (табл. 2). В относительном выражении больше пострадал экспорт США в Китай, однако в абсолютном выражении сокращение китайского вывоза на американский рынок было несколько большим, и возникла слабая тенденция к сокращению дефицита США.

В любом случае обе стороны несли потери, и в экспертном сообществе появились надежды на возможное заключение соглашения. Несмотря на истечение в марте обговоренного ранее срока, переговоры были продолжены. Перемирие продлилось до начала мая 2019 г., когда обнаружилось, что договориться не удалось.

Заметим, что во время переговоров, о причинах срыва которых есть много догадок, Китай всячески показывал готовность к компромиссам, предпринимая малые шаги по смягчению торговых отношений. Возобновились закупки сои, были снижены некоторые ранее введенные тарифы на чувствительные позиции — в частности, автомобили и автозапчасти. Официальная китайская печать подчеркнуто сдержанно писала о торговой войне как о «трениях». В мартовском докладе премьера Госсовета КНР на сессии ВСНП отсутствовало упоминание о программе «Сделано в Китае 2025».

Иным было поведение США. Вскоре после саммита в Аргентине началась кампания против китайского промышленного гиганта — компании «Хуавэй», продолжилось давление на Пекин в военной, информационной и других сферах.

Таблица 2

Сокращение торговли КНР с США в 2019 г., в годовом исчислении, %

	Январь-март	Январь-май	Январь-июль
Экспорт КНР	8,5	8,4	7,8
Импорт КНР	31,8	29,6	28,3

Составлено по данным ГТУ КНР.

Обвинив китайскую сторону в срыве переговоров, Трамп сразу же по их завершении (10 мая) ввел с 1 июня 2019 г. ранее отложенное повышение тарифов до 25% на 200 млрд долл. Кроме того, президент США пообещал ввести дополнительные тарифы еще на 300 млрд долл. импорта из Китая.

Параллельно была подвергнута санкциям «Хуавэй» (как годом раньше ZTE). Всего же число китайских компаний в «черном списке» минторга США было доведено до 143.

Китай ответил повышением тарифов (также с 1 июня) до 10–25% на сумму чуть менее 60 млрд долл., сохранив для части товаров 5-процентные пошлины.

Реакцию китайского общества на этот раз уже невозможно было сдержать: и пресса, и социальные сети пестрили возмущенными откликами, высказывались предложения о нанесении ущерба США (путем сброса американских облигаций, бойкота товаров и компаний, запрета на экспорт в США редкоземельных элементов и т.п.). Тем не менее власти оставались невозмутимыми, объявив лишь о возможности составления собственного списка ненадежных американских компаний. Стратегическая установка Пекина на взаимовыгодное сотрудничество с американским бизнесом, скептическое отношение к Вашингтону (независимо от конкретной администрации), как представляется, не претерпели изменений.

К началу лета встал вопрос о возобновлении диалога. В конце июня на встрече лидеров «двадцатки» в Осаке Си и Трамп договорились, что стороны продолжат переговоры в Шанхае в конце июля.

К тому времени выяснилось, что экспортный сектор Китая в целом справляется с обрушившимися на него бедами. Темпы прироста ВВП в Китае действительно снизились, но не критично. По итогам полугодия экономика показала более чем 6-процентный рост ВВП. На 7% увеличился приток иностранного капитала, причем рост инвестиций из Южной Кореи и Германии составил около 70%. Сохранился на уровне предыдущего года и приток капитала из США [Wang]. Энергетический гигант ExxonMobil получил контракт на строительство нефтехимического комплекса, а Tesla, как ожидается, начнет выпуск своей продукции в Шанхае в декабре нынешнего года.

Набрала ход реализация амбициозной китайской инициативы «Один пояс, один путь». В различные инфраструктурные проекты по всему миру Китай уже вложил более 90 млрд долл., а соглашения о сотрудничестве в формате «Пояса и пути» подписал с полутора сотнями государств мира. В апреле 2019 г. на Втором форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь», в котором приняли участие главы государств и правительств 37 стран, в том числе десяти стран Европы, Председатель КНР Си Цзиньпин озвучил далеко идущие планы, позволяющие сделать вывод о переводе китайской стратегии формирования альтернативной системы глобального управления в качественно новую стадию. Обращает на себя внимание, что этот мегапроект, помимо прочего, нацелен на придание новой динамики развитию самой китайской экономики, выведение ее на иной технологический уровень и повышение степени ее открытости.

Игра на повышение ставок

Июльские торговые переговоры США и КНР протекали в спокойной и конструктивной обстановке. Стороны, в частности, договорились об увеличении поставок сельхозпродукции из США, а диалог было решено продолжить в сентябре.

Однако по возвращении американской делегации на родину ее отчет в Белом доме 1 августа преподнес очередной сюрприз: Трамп счел, что «переговоры дали слишком мало уступок со стороны Китая», и заявил о введении с 1 сентября 2019 г. 10-процентной дополнительной пошлины на китайские товары на сумму около 300 млрд долл. Шокированные китайцы решили не торопиться с ответом.

Следствием этого шага Трампа стала довольно бурная негативная реакция рынков. 5 августа существенно снизился курс юаня к доллару, что тут же дало Трампу повод для беспочвенных обвинений Пекина в валютных манипуляциях. Началось недовольное брожение крупного бизнеса: «Уолл-стрит джорнал» поместил материал о «рецессии имени Наварро». В ответ на это советник Трампа объявил газету «коммунистической».

Вскоре Трамп несколько смягчил свое решение, и введение тарифа было объявлено двухэтапным: на сумму порядка 110 млрд долл. с 1 сентября, на остальное — с 15 декабря.

Китай принял ответные меры 23 августа, прибавив 5–10% к тарифам на 75 млрд долл. — также двумя порциями, с 1 сентября и 15 декабря.

Неугомонный Трамп в тот же день довел тарифы на 250 млрд долл. до 30% (с 1 октября), а тарифы на 300 млрд долл. — до 15%.

После этого вопрос о возобновлении переговоров завис в воздухе.

По-видимому, в Пекине начинают воспринимать Трампа как своего рода стихийное бедствие. Его трудно предсказать, с ним невозможно договориться, но с последствиями этого явления приходится бороться, приблизительно рассчитав ущерб.

По оценкам, потери компаний из Китая в сбыте на рынке США в нынешнем году могут составить около 80–90 млрд долл. Их отчасти компенсируют поставки товаров «в обход» — с выносом части производства в третьи страны (в 2019 г. при «плоском» показателе экспорта Китая в целом существенно увеличились поставки во Вьетнам, Канаду, Мексику, а также на Тайвань, в Малайзию, на Филиппины и в другие страны). Начинают включаться разного рода механизмы трансфертных цен, улучшению положения экспортеров помогает снижение курса юаня, а также распыление вывоза на адресную (и беспошлинную) доставку конечному потребителю [Zhou, Birmingham].

Потери же США от снижения экспорта в Китай составят около 50 млрд долл., что даст сокращение дефицита в торговле на 30–40 млрд долл., или максимум 0,2% ВВП США. Улов, скажем так, ниже скромного. Для сравнения: дефицит бюджета США в 2018 финансовом году вырос на 17%, или 113 млрд долл., и достиг 779 млрд.

Но главное, пожалуй, в том, что Китай, судя по всему, продолжит линию на благоприятствование бизнесу — своему и чужому, которого на экспортном направлении довольно много. Затруднения американским компаниям, работающим на китайском рынке, Пекин чинить вряд ли станет. А они, в свою очередь, по-прежнему будут и производить, и продавать товары в КНР. Ежегодный объем таких продаж оценивается в 250–300 млрд долл., о чем постоянно умалчивают советники Трампа.

Эту мысль выразил видный китайский международник Ван Цзисы: «Когда американское правительство ограничивает «Хуавэй», то она должна настаивать на кооперации с американскими предприятиями... нельзя ограничивать Apple в Китае» [China...].

Трампу же все большее число бизнесменов и экономистов советуют перестать гоняться за миражом возврата американских корпораций в США и понять, что дефицит в торговле с Китаем — естественное явление. Он возник вследствие многолетних процессов кооперирования работающего на внешние рынки бизнеса в Восточной Азии и банальной разницы в уровне оплаты труда американских и китайских рабочих. Сокращение экспорта КНР на американский рынок в 2019 г. привело к тому, что более высокими, чем обычно, темпами рос вывоз в США со стороны таких стран и территорий, как Вьетнам, Япония, Южная Корея и Тайвань. Поэтому никакого улучшения положения с торговым балансом не произошло, да и не могло произойти [Yao].

Конечно, нельзя отрицать, что у администрации есть достижения: например, определенное улучшение экономического положения в США, в том числе — ситуации с занятостью. Однако произошло оно отнюдь не по причине успехов в торговой войне: на промышленности благоприятно сказалось появление дешевого сланцевого газа. В обрабатывающей промышленности (газохимия, производство пластмасс, волокон и пр.) прибавилось 400 тыс. рабочих мест. Но за два с половиной года второго срока предыдущего президента аналогичный показатель составил 330 тыс., так что разница не большая [Klein].

Почему же атака на Китай, чреватая глобальной рецессией, продолжается? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить логику разворачивающейся баталии.

Социология торговой войны

Ценными для понимания истоков китайской войны Трампа являются лонгитюдные ежегодные исследования мнений американцев о Китае, проводимые с середины нулевых годов независимой организацией Pew Research Centre. Нет сомнений, что предвыборный штаб нынешнего президента был с ними знаком.

Высокие показатели благожелательного отношения к Китаю (около 50%) наблюдались в 2009–2011 гг. В 2012 г. соотношение стало равным (по 40% негативного и положительного восприятия), затем наблюдался рост «негатива», достигшего 55% в 2014–2016 гг. (у респондентов, поддерживающих республиканцев, этот показатель примерно на 10 процентных пунктов выше). По-видимому, такая тенденция в настроениях респондентов была связана с началом поворота к сдерживанию Китая во внешней политике, муссированием в СМИ темы агрессивности китайцев, их непомерного богатства, скупки и воровства технологий и т.п.

Весной 2018 г. более половины американцев были озабочены значительным объемом долга США Китаю, потерей рабочих мест в США в пользу КНР и дефицитом в торговле с этой страной. 58% считали главной угрозой, исходящей от Китая, его экономическую мощь — это на 6% больше, чем в 2017 г. Меньше волновали проблемы китайских кибератак, воздействия на окружающую среду и прав человека [Wike, Devlin, p. 2]. Если на основании этих и других имеющихся в нашем распоряжении данных поставить диагноз отношению американского общества к Китаю, то он будет очевиден: прогрессирующий параноидальный синдром.

Трамп сыграл на массовых антипатиях к Китаю, которые складывались десятилетиями. И ему это удалось. Достаточно сказать, что осенью 2018 г. 70% американцев поддерживали введение дополнительных пошлин на китайские товары [Ци].

В головах американцев хватает неразберихи, а в социальных сетях часто господствуют упрощенные и грубые суждения. В январе 2019 г. известный экономист Джеффри Сакс высказал в Twitter свое суждение по поводу атаки на «Хуавэй». Она, по его мнению, была продиктована интересами конкурентной борьбы. Экономиста тут же «заклевали», он вскоре даже закрыл свою страницу.

Весной 2019 г. негативное отношение к Китаю достигло максимума за всю историю исследований, составив 60% в целом по выборке и 70% у респондентов, поддерживающих республиканцев. Эта часть респондентов также склонна рассматривать Китай как главную угрозу США, в то время как другая, ориентирующаяся на демократов, ставит на первое место Россию, а Китай — на второе [Silver, Devlin, Huang, p. 2–4].

Но преуспел ли глава Белого дома в торговой войне с Китаем и в нагнетании истерии вокруг него?

С мая 2019 г. эксперты отмечают рост числа публично высказываемых мнений против эскалации торговой войны. Крупный бизнес пытается влиять на администрацию по своим каналам. Первыми зароптали ретейлеры (а они в современной Америке создают значительную часть рабочих мест), к ним вскоре присоединились корпорации, занимающиеся хай-теком. Так, на июльской встрече с Трампом топ-менеджеры Cisco, Intel, Broadcom, Qualcomm, Micron Technology, Western Digital и Alphabet потребовали максимально упростить процедуру выдачи лицензий на поставки компонентов «Хуавэй». В августе руководитель Apple Тим Кук за гольфом объяснил Трампу, что от пошлин на смартфоны выиграет только Samsung.

Весной 2019 г. выяснилось, что 50% американцев считают благоприятное развитие экономики Китая выгодным для США, в то время как 42% придерживаются противоположного мнения [Silver, Devlin, Huang, p. 5].

Просчетом Трампа (с точки зрения учета общественного мнения) следует, на наш взгляд, считать резкое ухудшение отношения к США в самом Китае и в зарубежной китайской диаспоре. Еще в 2016 г. 60% китайцев благожелательно относились к Америке. Теперь этот показатель значительно сократился.

Тем не менее боевой пыл президентской команды пока не слабеет. О настроениях, которые царят в администрации, да и во всем истеблишменте США, можно судить по июньской беседе старшего экономического советника Белого дома Ларри Кудлоу с Фредом Бергстеном — почетным президентом Петерсоновского института мировой экономики, сотрудники которого, в том числе один из лучших мировых специалистов по экономике Китая Николас Ларди, неоднократно выражали сомнения в полезности торговой войны. Беседа попала в печать, в ней Кудлоу прямо заявил, что «китайцам надо дать по заду, чтобы договориться» [Larry].

Похоже, продолжение конфликта неизбежно. По крайней мере, так думают очень многие китайские международники, усматривающие главную причину баталии в подъеме Китая и реакции на него мирового гегемона [Chen; Zhang; Yao, Zou]. Но Китаю не привыкать к историческим испытаниям, а в торговой войне его жители по традиции будут искать полезные возможности и больше думать о самообеспечении — продовольствием, сырьем, технологиями и т.п. Что они, впрочем, никогда не упускали из виду в ходе глобализации.

Китайская баталия Трампа является одним из проявлений того, что в современном, все более полицентричном мире продолжает формироваться новая биполярность «США — Китай» при сохраняющемся доминировании гегемона, который, впрочем, теряет былое могущество и (особенно) влияние [Барский, Салицкий]. Китай старательно избегает перерастания этой биполярности в конфронтацию, делая ставку на сотрудничество с крупным американским бизнесом и по возможности используя многочисленные внешнеполитические промахи нынешней администрации.

Есть несколько факторов, которые делают прогнозы исхода войны неоднозначными. Это, разумеется, настроения американского бизнеса, ведущего дела с Китаем, с ними в Америке принято считаться; далее, отношение к конфликту избирателей в США и способность администрации к разумному компромиссу и признанию объективно сложившихся реалий международного разделения труда.

Ясно только одно: от продолжения тарифной войны и ее перерастания в технологическую, валютную и т.п. будет только хуже всем участникам мировой экономики.

Литература

- Барский К.М., Салицкий А.И. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70).
- Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М. 2016.
- Ци Ч. Стратегические игры и перспективы двусторонних отношений Китая и США // Россия в глобальной политике. 27.09.2018. globalaffairs.ru/global-processes/Strategicheskie-igry-i-perspektivy-dvustoronnikh-otnoshenii-Kitaya-i-SShA-19775 (дата обращения: 16.08.2019).
- 2017 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2018. — URL: ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Reports/China%202017%20WTO%20Report.pdf (date of access: 08.08.2019).
- 2018 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2019. — URL: ustr.gov/sites/default/files/2018-USTR-Report-to-Congress-on-China%27s-WTO-Compliance.pdf (date of access: 07.06.2019).
- Chen Jiyong. The Background, Causes, Essence and Countermeasures of Sino-US Trade War // Wuhan University Journal (Philosophy & Social Science). 2018. №71(05): 72–81 (на кит. яз).
- China should cooperate with all nations, not be put off by US' aggressive trade war tactics, academic says // South China Morning Post. 13.06.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3014406/china-should-cooperate-all-nations-not-be-put-us-aggressive (date of access: 28.05.2019)
- Cooper H. President Visits Wisconsin Factory to Hail 'Insourcing' Plan // The New York Times. 16.02.2012. — URL: nytimes.com/2012/02/16/us/politics/obama-hails-insourcing-at-wisconsin-factory.html (date of access: 08.08.2019).
- Findings of the Investigation into China's Acts, Practices, and Policies Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. United States Trade Representative. March 2018. — URL: ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF (date of access: 08.08.2019).

- Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. August 2018. — URL: home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (date of access: 08.08.2019).
- How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf (date of access: 15.08.2019).
- Klein J.* Donald Trump said his tariffs on Chinese imports would bring factory jobs back to the US, but that's not happening // South China Morning Post. 01.08.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3021007/donald-trump-said-his-tariffs-chinese-imports-would-bring (date of access: 28.08.2019).
- Larry Kudlow: US needs to 'kick butt' to get trade deal with China // South China Morning Post. 14.06.2019. — URL: scmp.com/news/china/diplomacy/article/3014511/larry-kudlow-us-needs-kick-butt-get-trade-deal-china (date of access: 15.06.2019)
- National Security Strategy of the United States of America. December 2017 — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (date of access: 08.08.2019).
- Silver L., Devlin K. Huang Ch.* U.S. Views of China Turn Sharply Negative Amid Trade Tensions // Pew Research Center. 13.08.2019. — URL: pewresearch.org/global/2019/08/13/u-s-views-of-china-turn-sharply-negative-amid-trade-tensions/ (date of access: 15.08.2019).
- Wang O.* China paints rosy picture of foreign investment despite Donald Trump's claim 'thousands' of firms are leaving // South China Morning Post. 13.08.2019. — URL: scmp.com/economy/china-economy/article/3022560/china-paints-rosy-picture-foreign-investment-despite-donald (date of access: 08.08.2019).
- Wike R., Devlin K.* As Trade Tensions Rise, Fewer Americans See China Favorably // Pew Research Center. 2018. — URL: pewglobal.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/08/Pew-Research-Center_U.S.-Views-of-China_Report_2018-08-28.pdf (date of access: 20.08.2019).
- Yao A.* The US-China trade war has produced more losers than winners // South China Morning Post. 18.07.2019. — URL: scmp.com/comment/opinion/article/3018712/us-china-trade-war-has-produced-more-losers-winners (date of access: 18.08.2019).
- Yao Yang, Zou Jingxian.* China-US Trade Disputes: From a Long-term Economic Growth Perspective // International Economic Review. 2019(01): 146–159 (на кит. яз).
- Zhang Yifei.* Evolution, Motivation and Future Trend of "Ballast" in the Sino-US Relations since China's Reform and Opening-up // International Economic Review. 2019(02): 75–97 (на кит. яз).
- Zhou C., Bermingham F.* China-based firms look to obscure tariff loophole to dodge trade war, but US customs is cracking down // South China Morning Post. 23.08.2019. — URL: scmp.com/economy/china-economy/article/3024108/china-based-firms-look-obscure-tariff-loophole-dodge-trade (date of access: 28.08.2019).